

Жорж Санд

Она и он

Перевод с французского
Анны Тетеревниковой

ФТМ

Жорж Санд

Она и он

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4236215
Она и он: Агентство ФТМ, Лтд.; Москва; 2020
ISBN 978-5-4467-3562-4

Аннотация

Известнейший, во многом автобиографичный роман выдающейся французской писательницы о любви, в которой всегда есть Она – сама Жорж Санд и Он – поэт Альфред де Мюссе. История, которая в свое время потрясла весь парижский свет, одновременно проста и сложна: двое влюбленных едут в Италию, но не находят там счастья, а переживают трагедию взаимного непонимания и тягостный для обоих разрыв. Но смысл романа не исчерпывается конфликтом характеров, ведь оба героя – талантливые художники, и это вводит в роман проблему творческой личности и законов творчества.

Содержание

I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жорж Санд

Она и он

© Перевод. А. Н. Тетеревникова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Мадемуазель Терезе Жак

Дорогая Тереза, – вы ведь позволили мне не называть вас «мадемуазель», – сообщаю вам новость, важную для всего «артистического круга», по выражению Бернара, нашего друга. Смотрите-ка! Получилось складно, но вот в том, что я вам сейчас расскажу, уже не будет ни складу ни ладу.

Представьте себе, что вчера, когда, наскучив вам своим визитом, я вернулся домой, я застал у себя какого-то английского милорда... Впрочем, может быть, и не милорда, но, во всяком случае, англичанина, который обращается ко мне на своем тарабарском наречии:

- Вы есть художник?
- Yes, милорд.
- Вы пишете лицо?

- Yes, милорд.
- И руки?
- Yes, милорд; и ноги также.
- Вот это хорошо!
- Очень хорошо!
- О, я уверен! Вы хотите сделать мой портрет?
- Ваш портрет?
- А почему нет?

Эти слова «А почему нет?» были произнесены так добродушно, что я перестал считать его идиотом, тем более что этот сын Альбиона – великолепный мужчина. Голова Антиноя на плечах... на плечах англичанина; греческая скульптура эпохи расцвета; слегка необычно только то, что она одета в современный костюм, а галстук на ней – образец последней британской моды.

– Право же, – сказал я, – вы, несомненно, прекрасная модель, и я с удовольствием написал бы с вас этюд, просто так, для себя, но портрет ваш я написать не могу.

- А почему?
- Потому что я не портретист.

– О!.. Разве во Франции нужно покупать патент на тот или иной жанр в искусстве?

– Нет, но публика не позволяет нам работать в разных жанрах. Она хочет знать, какого мнения ей держаться на наш счет, в особенности если мы молоды; вот я, например, тот самый, с кем вы сейчас разговариваете, – я еще очень молод, и если бы я имел несчастье написать с вас удачный портрет, то на следующей выставке мне было бы очень трудно

добиться успеха в каком-либо ином жанре: решили бы, что у меня нет к этому способностей и что я слишком самонадеянно взялся не за свое дело.

Я наговорил моему англичанину еще много подобной чепухи, от которой я вас избавлю, а он, слушая меня, таращил глаза, а потом расхохотался, и я тут ясно увидел, что мои доводы внушают ему глубокое презрение если не к Франции, то к вашему покорному слуге.

– Скажите прямо, – сказал он, – вам не нравится писать портреты.

– Как! Вы что, за валлийца меня принимаете? Скажите лучше, что я еще не решаюсь писать портрет и что я не смог бы его написать, потому что одно из двух: либо это жанр, который исключает все остальные, либо это совершенное мастерство и, так сказать, вершина таланта. Иные художники, не способные создать ничего своего, могут со сходством и приятностью копировать живую натуру. Таким успех обеспечен, лишь бы они умели представить свою модель в самом выгодном для нее свете и ухитрились одеть ее к лицу и в то же время по моде; но если вы всего лишь скромный художник, пишущий на исторические сюжеты, если вы еще только ученик и талант ваш признан далеко не всеми – а как раз таким учеником я имею честь быть, – тогда нельзя бороться с профессионалами. Признаюсь, я никогда добросовестно не изучал складки черного фрака и особенности какого-нибудь определенного лица. Я только бедный изобретатель поз, типов и

выразительных фигур, нужно, чтобы все это отвечало моему сюжету, моей идее, если хотите, моей мечте. Если бы вы позволили мне одеть вас по моему вкусу и сделать вас частью задуманной мною композиции... Но, впрочем, из этого тоже ничего бы не вышло, это были бы не вы. Этот портрет нельзя было бы подарить вашей возлюбленной... а тем более вашей супруге. Ни та, ни другая вас не узнали бы. А поэтому не требуйте от меня сейчас того, что я, возможно, и смогу сделать когда-нибудь, если из меня вдруг получится Рубенс или Тициан, потому что тогда я смогу остаться поэтом и творцом, легко и без робости передавая могучую и величественную действительность. К сожалению, из меня, пожалуй, выйдет только безумец или глупец. Почитайте фельетоны господ тех-то и тех-то.

Только не подумайте, Тереза, что я сказал моему англичанину хоть что-нибудь из того, что я вам пишу: когда передаешь свою речь в письме, всегда приукрашаешь ее; но все, что я мог сказать ему, извиняя свое неумение писать портреты, было сказано впустую, за исключением этих слов: «Почему, черт возьми, вы не обратитесь к мадемуазель Жак?»

Он три раза повторил: «О!», после чего спросил у меня ваш адрес и тут же ушел, не сказав больше ни слова, а я, не имея возможности закончить свои рассуждения о портрете, сконфузился и рассердился, потому что в конце концов, милая Тереза, если эта скотина, этот красавец англичанин пойдет к вам сегодня, — а я думаю, с него это станется, — и если

он перескажет вам все, только что мною написанное, то есть все, что я ему наговорил о «ремесленниках» и великих мастерах, что вы тогда подумаете о вашем неблагодарном друге? Что он причисляет вас к первым и считает вас способной писать только красивенькие портреты, которые всем нравятся! Ах, милый друг, если бы вы слышали все, что я сказал ему о вас после того, как он уже ушел!.. Вы это знаете, вы знаете, что для меня вы не мадемуазель Жак, та, что пишет «похожие» портреты, которые теперь в большой моде. Для меня вы мужчина высшего порядка, переодевшийся женщиной, который никогда не учился в Академии, однако уже в поясном портрете угадывает сам и позволяет угадывать другим все тело и всю душу оригинала, так, как это делали великие скульпторы античности и великие художники Возрождения. Но я умолкаю: вы не любите, когда вам говорят то, что о вас думают. Вы делаете вид, что принимаете это за комплименты. Вы очень горды, Тереза.

Сегодня, сам не знаю почему, на меня напала хандра. Утром завтрак был такой невкусный... С тех пор как у меня появилась кухарка, я ем ужасно невкусно. И теперь не достать хорошего табаку. Акцизное управление нас просто отравляет. А потом мне принесли новые сапоги, которые совсем не годятся... А потом идет дождь... А потом... почему я знаю, что потом? Вам не кажется, что с некоторых пор дни так тянутся, словно ты сидишь без куска хлеба? Нет, вам-то это не кажется. Вы не знаете ни этого томления, ни этих приевшихся развлечений,

ни этой пьянящей скуки, ни этой тоски без названия, о которой я говорил вам как-то вечером в той маленькой сиреневой гостиной, где бы я хотел быть сейчас, потому что здесь у меня так мало света, что нельзя работать, а раз я не могу работать, я с удовольствием пришел бы побеседовать с вами, даже рискуя вам надоесть.

Итак, я вас сегодня не увижу! У вас невыносимая родня, она похищает вас у самых лучших ваших друзей! Значит, сегодня вечером мне придется совершить какую-нибудь непроходимую глупость!.. Вот к чему привела ваша доброта ко мне, мой дорогой старший товарищ. Я становлюсь таким глупым и ничтожным, когда не вижу вас, что мне обязательно нужно забыться, даже рискуя возмутить вас. Но не беспокойтесь, я не стану рассказывать вам, как провел вечер.

Ваш друг и покорный слуга

Лоран

11 мая 183...

Господину Лорану де Фовелю

Во-первых, дорогой Лоран, если вы в самом деле питаете ко мне дружеские чувства, я требую, чтобы вы не делали слишком часто глупости, которые вредят вашему здоровью. Все остальные я вам разрешаю. Вы сейчас потребуете, чтобы я привела в пример хоть одну из них, и я окажусь в большом затруднении, потому что, насколько мне известно, безвредных глупостей очень

мало. Остается узнать, что вы называете глупостями. Если это те бесконечные ужины, о которых вы мне говорили на днях, то, по-моему, они вас убивают, и для меня это очень огорчительно. Боже мой! О чем вы думаете, когда с легким сердцем разрушаете свою жизнь, такую драгоценную и прекрасную? Но вы не выносите проповедей: я ограничусь мольбой.

Что касается вашего англичанина, который на самом деле американец, то я только что его видела, и, так как мы с вами не встретимся ни сегодня вечером, ни, может быть, к моему большому сожалению, и завтра, я должна сказать вам, что вы напрасно не захотели написать его портрет. Он предложил бы вам за него баснословную цену, а баснословная цена для такого американца, как Дик Палмер, – это много банковских билетов, которые нужны вам как раз для того, чтобы не делать глупостей, то есть чтобы не играть в азартные игры в надежде на какое-то необыкновенное везение. А ведь людям с богатой фантазией никогда не везет, потому что люди с богатой фантазией не умеют играть, они всегда проигрывают, и им приходится потом требовать от своей фантазии, чтобы она заплатила их долги, – занятие, для которого не создана эта принцесса, – она может сделать это, лишь воспламенив бедное тело, свое обиталище.

Я кажусь вам весьма практичной, не так ли? Мне все равно. Впрочем, если мы рассмотрим этот вопрос с более возвышенной точки зрения, то все доводы, которые вы привели вашему американцу и мне, не стоят

ни гроша. Вы не умеете писать портреты, это возможно, это даже достоверно, если их нужно писать так, чтобы понравиться мещанам; но господин Палмер совсем не требовал этого. Вы сочли его за мелочного торговца и ошиблись. Это человек с верными суждениями и со вкусом, который понимает в искусстве и восхищается вами. И, конечно же, я приняла его хорошо! Он пришел ко мне, потому что ему некуда было больше идти, я это отлично заметила и была ему за это благодарна. И потому-то я и утешила его, обещав сделать все возможное, чтобы уговорить вас написать его портрет. Мы побеседуем об этом послезавтра, потому что я просила этого самого Палмера прийти послезавтра вечером, чтобы он помог мне хлопотать о его собственном деле и тут же заручился вашим обещанием.

Итак, дорогой Лоран, мы с вами увидимся только через два дня. Развлекайтесь, как можете; для вас это будет нетрудно, вы знаете многих интересных людей и вращаетесь в высшем свете. Я же всего лишь старая ворчунья, которая очень вас любит, закликает вас не всякую ночь ложиться поздно и советует вам не предаваться излишествам и ничем не злоупотреблять. Вы на это не имеете права: ведь гений обязывает!

Ваша приятельница

Тереза Жак

Мадемуазель Терезе Жак

Дорогая Тереза, через два часа я уезжаю за город с графом С... и князем Д... Как меня уверяют, там будет много молодежи и красивых женщин. Обещаю и клянусь вам не делать глупостей и не пить шампанского... А если выпью, буду в этом горько раскаиваться! Что делать! Я бы, конечно, предпочел прохаживаться по вашей большой мастерской и болтать чепуху в вашей маленькой сиреновой гостиной; но так как вы уединились с тремя десятками родственников из провинции, вы, конечно, и послезавтра не заметите моего отсутствия: весь вечер ваш слух будет услаждаться англо-американским акцентом. А! Его зовут Дик, этого славного господина Палмера? Я думал, что Дик – это уменьшительное от Ричарда! Правда, из языков я знаю только французский, да и то не бог весть как.

О портрете же не будем больше говорить. Вы проявляете материнские чувства, когда печетесь о моих интересах в ущерб вашим, в тысячу раз больше, чем следует. Хотя у вас и много заказчиков, я знаю, что ваша щедрость не позволяет вам разбогатеть, и несколько лишних банковских билетов будут гораздо более на месте в ваших, нежели в моих руках. Вы осчастливите ими многих, а я, как вы сами говорите, брошу их на игорный стол.

К тому же сейчас у меня совсем нет настроения заниматься живописью. Для этого нужно две вещи, обе они есть у вас: вдумчивость и вдохновение; первой у меня никогда не будет, а второе у меня было. И оно мне опротивело, как безумная старуха, измучившая меня тем, что заставляла скакать по полям на тощем крупе своего апокалипсического коня. Я очень хорошо понимаю, чего мне не хватает; быть может, вы с этим не согласитесь, но я еще недостаточно наслаждался жизнью, и я уезжаю дня на три или на неделю с госпожой Действительностью в образе нескольких нимф из оперного кордебалета. Надеюсь, что по возвращении я стану самым совершенным светским человеком, то есть самым пресыщенным и самым рассудительным.

Ваш друг

Лоран

I

Взглянув на письмо, Тереза сразу поняла, что оно было продиктовано досадой и ревностью.

«И все-таки он не влюблен в меня, – подумала она. – Нет, нет. Он, конечно, никогда ни в кого не влюбится, а уж в меня и подавно».

Перечитывая письмо и размышляя, Тереза боялась солгать самой себе, пытаясь уверить себя в том, что возле нее Лоран не подвергается опасности.

«Какая тут опасность? – думала она. – Страдать от неосуществившейся прихоти? Но разве можно сильно страдать из-за прихоти? Не знаю. У меня никогда не было прихотей!»

Было уже пять часов пополудни. И Тереза, спрятав письмо в карман, велела принести себе шляпу, отпустила на целые сутки слугу, отдала распоряжения своей служанке, старой Катрин, и села в фиакр. Два часа спустя она вернулась в сопровождении худенькой женщины небольшого роста, немного сгорбленной, лицо которой было закрыто такой густой вуалью, что даже кучер его не разглядел. Тереза заперлась с этой таинственной особой, и Катрин подала им легкий, но очень вкусный обед. Тереза ухаживала за своей гостьей, угощала ее, а та не спускала с нее восхищенных глаз и в упоении забывала о еде.

Тем временем Лоран готовился к увеселительной поезд-

ке, о которой сообщил Терезе в письме; но когда князь Д... заехал за ним, чтобы увезти его в своем экипаже, Лоран сказал, что по непредвиденному делу он должен задержаться в Париже еще часа на два и что вечером он сам приедет к князю в его загородный дом.

Ничто, однако, не задерживало Лорана. Он оделся с лихорадочной поспешностью. Велел тщательно причесать себя. А потом бросил на кресло фрак и запустил пальцы в свои слишком ровно расчесанные кудри, не думая о том, какой это придаст ему вид. Он расхаживал по мастерской то быстро, то медленными шагами. Когда князь Д... уехал, раз десять взяв с него обещание, что он поторопится и скоро тоже уедет из Парижа, Лоран сбежал за ним по лестнице, намереваясь просить его подождать и сказать ему, что он бросит все дела и поедет с ним. Но, так и не остановив князя, он прошел к себе в спальню и бросился на кровать.

«Почему она отказывает мне от дома на целых два дня? Здесь что-то нечисто! А если она и приглашает меня на третий день, то только для того, чтобы я встретился у нее с англичанином или американцем, с которым я вовсе не знаком! Но она его, конечно, знает, этого Палмера, раз она называет его по имени! Почему же он тогда спрашивал у меня ее адрес? Что это, притворство? К чему ей притворяться со мной? Я не любовник Терезы, я не имею на нее никаких прав! Любовник Терезы! Конечно, я никогда им не стану! Боже упаси! Женщина старше меня на пять лет, если не больше! Кто зна-

ет возраст женщины, а в особенности такой, о которой никто ничего не знает? Такое таинственное прошлое, должно быть, скрывает какой-то невероятно глупый поступок, быть может, позор, прикрытый видимостью приличий. И при всем том она синий чулок, или слишком набожная, или это женщина-философ – кто знает? Она говорит обо всем так беспристрастно, с такою терпимостью или же так, как будто это ее вовсе не касается... Бог знает, во что она верит, во что не верит, чего она хочет, что любит, и вообще способна ли она любить?»

К Лорану зашел его приятель Меркур, молодой критик.

– Я знаю, вы уезжаете в Монморанси, – сказал он. – Поэтому я зашел только на минутку, чтобы спросить у вас один адрес – адрес мадемуазель Жак.

Лоран вздрогнул.

– А какого дьявола вам нужно от мадемуазель Жак? – ответил он, делая вид, что ищет бумагу, чтобы свернуть сигарету.

– Мне? Ничего не нужно... Хотя нет! Я бы очень хотел познакомиться с ней; я знаю ее только в лицо и понаслышке. Я спрашиваю ее адрес по просьбе одного человека, который хочет заказать ей свой портрет.

– Вы знаете мадемуазель Жак в лицо?

– Черт побери! Она теперь знаменитость, кто же не обратит на нее внимание? Она просто создана для этого!

– Вы находите?

– Ну а вы?

– Я не знаю, право. Мы с ней большие друзья, поэтому мне трудно судить.

– Вы с ней большие друзья?

– Да, видите, я сам так говорю, а это доказывает, что я за ней не ухаживаю.

– Вы с ней часто видитесь?

– Иной раз видимся.

– Так, значит, вы только ее преданный друг?

– Ну да, в какой-то степени... Почему вы смеетесь?

– Потому что я этому не верю; в двадцать четыре года нельзя быть только преданным другом женщины... молодой и красивой!

– Ну вот еще! Она не так молода и не так красива, как вы утверждаете. Это хороший товарищ, на нее приятно смотреть, вот и все. Впрочем, она не в моем вкусе, и я принужден прощать ей то, что она блондинка. Блондинок я люблю только на полотне.

– Не такая уж она блондинка! У нее бархатистые черные глаза, волосы ее скорее каштановые, и она их как-то оригинально причесывает. Впрочем, это ей идет, она похожа на добродушного сфинкса.

– Это хорошо сказано; но... вы ведь любите высоких женщин!

– Она не слишком высокая, у нее маленькие ножки и ручки. Это настоящая женщина. Я подолгу смотрел на нее, по-

тому что я в нее влюблен.

– Вот как? Что это вы придумали?

– Вам же это безразлично; ведь как женщина она вам не нравится?

– Дорогой мой, даже если бы она мне и нравилась, это ничего бы не изменило. Тогда я постарался бы еще больше сблизиться с ней, но я бы не влюбился – я вообще не влюбляюсь, а значит, и не ревновал бы. Попробуйте счастья, раз вам так хочется.

– Я? Попытаю, если представится случай. Но у меня нет времени искать его. Да, в сущности, я такой же, как и вы, Лоран. Я могу терпеливо ждать, тем более что в мои годы и в обществе, в котором я вращаюсь, нет недостатка в развлечениях... Но раз уж мы говорим об этой женщине и раз уж вы ее знаете, скажите мне... – уверяю вас, с моей стороны это чистое любопытство – она вдова или...

– Или кто?

– Я хотел сказать: она вдова любовника или мужа?

– Понятия не имею.

– Не может быть!

– Честное слово, я у нее не спрашивал. Мне это так безразлично!

– Знаете, что о ней говорят?

– Нет, это меня мало интересует! Так что же говорят?

– Вот видите, это вас все-таки интересует! Говорят, она была замужем за человеком богатым и титулованным.

– Замужем...

– Самым настоящим образом. Брак ее был засвидетельствован господином мэром и освящен господином кюре.

– Что за глупости! Тогда она носила бы имя и титул своего мужа.

– А! Вот в том-то и дело! Здесь какая-то тайна. Когда у меня будет время, я разузнаю это и расскажу вам. Говорят, у нее нет постоянного любовника, хотя живет она очень свободно. Впрочем, вы-то ведь должны знать все это?

– Ровно ничего не знаю. Вы что, думаете, я только и делаю, что наблюдаю за женщинами и расспрашиваю их? Я не такой волокита, как вы! По-моему, жизнь так коротка... Едва хватает времени, чтобы жить и работать.

– Жить... не спору. Вы, кажется, живете вовсю. Что же касается работы, говорят, вы не слишком себя утруждаете. А ну-ка, что это у вас здесь? Покажите-ка!

– Нет, тут ничего нет, ничего начатого.

– Да вот, например, эта головка... Это прекрасно, черт побери! Дайте же посмотреть, иначе я выругаю вас в следующей своей статье о Салоне.

– Конечно, с вас станется!

– Ну да, если вы этого заслужите; но эта голова великолепна, ею можно только глупо восхищаться. Что это будет?

– Почему я знаю!

– Хотите, я скажу вам?

– Буду очень рад.

– Сделайте из этого сивиллу. У нее может быть любая прическа, это ни к чему не обязывает.

– А верно, ведь это идея!

– И потом, вы не скомпрометируете особу, на которую она похожа.

– Разве она похожа на кого-нибудь?

– Черт побери! Вы что, шутите? Думаете, я не узнаю ее? Послушайте, мой милый, вы надо мной смеетесь, вы отрицаете все, вплоть до самых очевидных вещей. Вы возлюбленный этой женщины!

– Доказательством может служить то, что я еду в Монморанси! – холодно ответил Лоран, берясь за шляпу.

– Одно другому не мешает! – заметил Меркур.

Лоран вышел, и Меркур, спустившийся по лестнице вместе с ним, видел, как он сел в фиакр; но Лоран велел кучеру ехать в Булонский лес, где он пообедал один в маленьком кафе и откуда вернулся в сумерках пешком, погруженный в свои мечты.

Булонский лес был в то время не таким, как теперь. Он был гораздо меньше, запущеннее, беднее, таинственнее, в нем вы чувствовали себя ближе к природе и могли предаваться мечтам.

К Елисейским полям, не таким роскошным и не так густо населенным, как теперь, примыкали новые кварталы, где еще сдавались по недорогой цене домики с очень уютными садиками. Там можно было жить и работать.

В одном из этих белых, чистеньких домиков, среди цветущей сирени, за высокой живой изгородью из боярышника с выкрашенной в зеленый цвет калиткой жила Тереза. Был май. Погода стояла великолепная. Каким образом Лоран очутился в девять часов вечера у этой изгороди на пустынной незастроенной улице, где еще не было фонарей и по краям которой еще росла крапива и сорная трава, – он сам затруднился бы объяснить.

Живая изгородь была очень густая, и Лоран бесшумно ходил вдоль нее, не видя ничего, кроме листьев, озаренных золотистым светом лампы, стоявшей, как он предполагал, в саду на маленьком столике – за этим столиком Лоран имел обыкновение курить, когда проводил вечер у Терезы. Значит, в саду кто-то курил? Или там пили чай, как это иногда бывало? Но Тереза сказала Лорану, что ждет целую семью из провинции, а до него доносился только таинственный шепот двух голосов, из которых один, как ему казалось, был голосом Терезы. Другой голос говорил совсем тихо; неужели это был мужской голос?

Лоран слушал до тех пор, пока у него не зазвенело в ушах; наконец он услышал – или ему это показалось? – слова Терезы:

– Какое мне до всего этого дело? У меня теперь только одна любовь на свете, и это вы!

«Ну, теперь я совершенно спокоен, – подумал Лоран, поспешно уходя с пустынной улицы и возвращаясь на шумные

Елисейские поля. – У нее есть возлюбленный! Впрочем, она совсем не обязана была сообщать мне об этом!.. Только напрасно она при всяком удобном случае намекала мне, что она никому не принадлежит и не хочет никому принадлежать. Эта женщина такая же, как и все остальные: прежде всего ей нужно лгать. Но мне-то не все ли равно? Однако же я бы никогда этому не поверил! И, конечно, хотя я в этом себе не признавался, она немного вскружила мне голову, раз я подслушивал здесь! Ведь только ревность может извинить такой подлый поступок! Но я не могу особенно раскаиваться: это спасло меня от пренеприятной истории, я чуть было не остался в дураках – начал мечтать о женщине, ничуть не более соблазнительной, чем другие, да к тому же еще и неискренней».

Лоран остановил проезжавший мимо пустой фиакр и поехал в Монморанси. Он дал себе слово провести там неделю и не появиться у Терезы раньше чем через две. Однако он пробыл за городом только два дня, а на третий, вечером, уже подходил к дверям домика Терезы, как раз в ту же минуту, что и господин Ричард Палмер.

– О, как я рад вам видеть, – сказал американец, протягивая ему руку.

Лорану пришлось тоже протянуть руку, но он не смог удержаться и спросил у господина Палмера, почему тот так рад его видеть.

Иностранец не обратил внимания на довольно дерзкий

тон художника.

– Я рад, потому что мне нравится вы, – ответил он с обезоруживающей сердечностью, – а мне нравится вы, потому что я восхищаюсь вы!

– Как? Вы здесь? – удивленно спросила Тереза, обращаясь к Лорану. – А я сегодня вас и не ждала.

И Лорану показалось, что в этих простых словах прозвучал необычный холодок.

– Ах, вы легко бы примирились с моим отсутствием, – ответил он тихо, – и я боюсь, что нарушаю вашу очаровательную встречу.

– Это тем более жестоко с вашей стороны, – возразила она все тем же игривым тоном, – что вы, кажется, сами хотели оставить нас вдвоем.

– Вы на это рассчитывали, раз не отменили сегодняшней встречи! Так мне уйти?

– Нет, оставайтесь. Придется как-нибудь перенести ваше присутствие.

Американец, поклонившись Терезе, достал свой бумажник и вынул оттуда письмо, которое ему поручили ей передать. Тереза с невозмутимым видом пробежала его глазами, не сказав ни слова.

– Если хотите ответить, – сказал Палмер, – то у меня есть okazия в Гавану.

– Спасибо, – сказала Тереза, выдвигая ящик маленького столика, стоящего возле нее, – я не собираюсь отвечать.

Лоран, следивший за всеми ее движениями, увидел, что она положила это письмо вместе с несколькими другими, из которых одно бросилось ему в глаза – он узнал форму конверта и надпись. Это было письмо, посланное им Терезе два дня тому назад. Не знаю почему, ему было неприятно видеть это письмо рядом с тем, которое только что передал Терезе Палмер.

«Она дает мне отставку, – подумал он, – вместе со всеми своими неудачливыми воздыхателями. Но ведь я не имею права на такую честь. Я никогда не говорил ей о любви».

Тереза завела речь о портрете Палмера. Лоран упрямылся, следя за каждым взглядом и каждой интонацией своих собеседников; ему все казалось, что они тайно боятся, как бы он не уступил; но они настаивали так искренне, что он успокоился и устыдился своих подозрений. Если Терезу что-то и связывало с этим иностранцем, то ведь она была свободна, жила одна, ни перед кем не имела обязательств и всегда презирала людскую молву. Зачем ей был такой предлог, как этот портрет? Разве не могла она и без того часто и подолгу принимать у себя предмет своей любви или прихоти?

Как только Лоран успокоился, он перестал стесняться.

– Так вы американка? – с любопытством спросил он Терезу, время от времени переводившую на английский язык те реплики, которые Палмер не вполне понимал.

– Я? – ответила Тереза. – Разве я не говорила вам, что имею честь быть вашей соотечественницей?

– Но вы так хорошо говорите по-английски!

– Откуда вам знать, хорошо ли я говорю, раз вы сами не знаете по-английски. Но я понимаю, в чем дело, потому что мне известно: вы любопытны. Вы хотите спросить, знакома ли я с Диком Палмером со вчерашнего дня или уже с давних пор. Ну так спросите у него.

Палмер не стал ждать вопроса, который Лоран вряд ли решил бы ему задать. Он ответил, что уже не в первый раз во Франции и что он встречал Терезу у ее родственников, когда она была еще совсем девочкой. У каких родственников – не объяснил. Тереза часто говорила, что она не знала ни отца, ни матери.

Прошлое мадемуазель Жак было непроницаемой тайной как для светских людей, с которых она писала портреты, так и для немногочисленных художников, бывавших у нее в доме. Никто не знал, откуда, когда и с кем приехала она в Париж. О ней заговорили всего два или три года тому назад: написанный ею портрет был замечен людьми со вкусом и даже признан работой подлинного мастера. Так из бедной художницы, известной лишь среди ее немногочисленной клиентуры и ведущей скромную жизнь, она вдруг превратилась в мастера с первоклассной репутацией; она перестала стесняться в средствах, но не изменила ни своим скромным вкусам, ни своей любви к независимости, ни шутиливой строгости своих манер. Она никогда не рисовалась и, говоря о себе, лишь выражала свои взгляды и чувства с большой искренностью

и смелостью. Когда же ей задавали вопросы о ее жизни, она умела уклоняться от них, пропускать их мимо ушей, и это избавляло ее от необходимости отвечать. Если собеседник считал возможным настаивать, то обычно после нескольких неопределенных фраз она говорила:

– Да что там толковать обо мне! В моей жизни не было ничего интересного, что я могла бы рассказать; если у меня и были горести, я уже не помню о них, потому что мне некогда о них думать. Теперь я очень счастлива: ведь у меня есть работа, а работу я люблю больше всего.

Лоран познакомился с мадемуазель Жак случайно – оба они работали в одном и том же жанре. Как дворянин и как выдающийся художник, Фовель пользовался успехом и в свете, и в артистическом мире и поэтому в двадцать четыре года приобрел уже такой жизненный опыт, который не все имеют в сорок лет. Он то гордился этим, то огорчался; но у него совсем не было опыта в сердечных чувствах: такой опыт нельзя приобрести, ведя столь рассеянную жизнь. Так как он всегда хотел казаться скептиком, то прежде всего решил, что все, к кому Тереза относится дружески, должны быть ее любовниками, и только потом, когда все они по очереди убеждали его в чистоте своих отношений с нею, он стал считать ее женщиной, которая, может быть, и испытала страстную любовь, но вряд ли соглашается на легкие связи.

С тех пор его стало мучить жгучее любопытство: ему хотелось узнать причину этого странного явления: молодая, кра-

сивая, умная женщина совершенно свободна и по своей воле живет в одиночестве. Он стал бывать у нее все чаще и чаще и наконец почти ежедневно, сначала под всякими предлогами, потом – выдавая себя за приятеля, с которым не нужно церемониться, слишком легкомысленного, чтобы ухаживать за серьезной женщиной, и все-таки в достаточной мере идеалиста, чтобы стремиться внушить к себе привязанность и ценить бескорыстную дружбу.

В сущности, все это так и было, однако в сердце молодого человека вкралась любовь, и мы видели, как Лоран боролся с охватившим его чувством, которое он пока еще хотел скрыть от Терезы и от себя самого, тем более что это чувство он испытывал впервые в жизни.

– Но в конце концов, – сказал он после того, как обещал Палмеру попытаться исполнить его просьбу, – портрет ведь может оказаться неудачным; так почему же, черт вас возьми, вы так настаиваете на том, чтобы я писал его, когда вы знаете мадемуазель Жак? Она, конечно, не откажется написать ваш портрет, причем наверняка превосходный.

– Она мне отказывает, – чистосердечно ответил Палмер, – и не знаю почему. Я обещал своей матери, которая имеет слабость считать меня очень красивым, портрет кисти мастера, и, если он будет слишком близок к действительности, он покажется ей непохожим. Вот почему я и обратился к вам, как к мастеру романтической живописи. Если вы мне откажете, я буду огорчен, потому что не смогу доставить эту ра-

досьт матери, или мне придется снова искать кого-то.

– Долго искать не придется; есть столько людей способнее меня!..

– По-моему, вы не правы. Но если даже предположить, что я найду такого художника, вовсе не известно, свободен ли он сейчас, а я спешу, мне надо срочно отослать портрет. Мать должна получить его ко дню моего рождения, через четыре месяца, а пересылка займет около двух.

– Это значит, Лоран, – добавила Тереза, – что вам надо написать портрет самое большее за шесть недель, а так как я знаю, сколько вам на это требуется времени, вам нужно начинать завтра. Ну, так решено, вы обещаете, правда?

Палмер протянул Лорану руку:

– Значит, контракт заключен. Не будем говорить о деньгах; гонорар назначит мадемуазель Жак, я в это вмешиваться не буду. В котором часу мне завтра прийти?

Они условились о часе; Палмер взял свою шляпу, и Лоран из уважения к Терезе собрался было тоже уходить, однако Палмер не обратил на это никакого внимания и вышел, пожав руку мадемуазель Жак, но не поцеловав ее.

– Мне тоже уйти? – спросил Лоран.

– Не обязательно, – ответила она, – вечером ко мне могут прийти только хорошие знакомые. Но сегодня вы уйдете в десять часов, потому что в последние дни я, забывая о времени, болтала с вами почти до полуночи, а так как я всегда просыпаюсь в пять часов утра, то чувствовала себя очень

усталой.

– И вы все-таки не прогоняли меня?

– Нет, мне это и в голову не приходило.

– Если бы я был фатом, я бы возгордился.

– Но вы, слава богу, не фат, вы предоставляете эту роль глупцам. Однако же послушайте, комплимент комплиментом, а я должна вас пожурить. Говорят, вы не работаете.

– Так это для того, чтобы заставить меня работать, вы как ножом к горлу пристали ко мне с этим портретом Палмера?

– А почему бы и нет?

– Я знаю, вы добрая, Тереза, вы хотите силой заставить меня зарабатывать на жизнь.

– Я не спрашиваю вас о ваших средствах, у меня нет на это права. Я не имею счастья... или несчастья быть вашей матерью, но я ваша сестра... во Аполлоне, как говорит наш классик Бернар, и я не могу не огорчаться, когда на вас находит приступ лени.

– Но вам-то что до этого? – воскликнул Лоран, обрадовавшись и вместе с тем досадуя. Тереза угадала его чувства и ответила ему откровенно:

– Послушайте, милый Лоран, – сказала она, – нам надо объясниться. Я ваш большой друг.

– Я очень горжусь этим, но почему – сам не знаю!.. Из меня даже друга не выйдет, Тереза! Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной, так же как не верю и в любовь.

– Вы мне уже это говорили, и мне совершенно безразлич-

но, что вы не верите. Ну, а я верю в то, что чувствую, я к вам привязана, я принимаю в вас участие. Такой уж я человек: если возле меня есть какое-нибудь существо, я обязательно привязываюсь к нему и хочу, чтобы оно было счастливо. И я привыкла делать для этого все, что могу, не заботясь о том, благодарно ли мне это существо. Ну, а вы-то ведь не кто-нибудь, вы человек гениальный, и я надеюсь, что и благородный человек.

– Я благородный человек? Да, если вы понимаете это так, как это принято понимать в свете. Я умею драться на дуэли, платить свои долги и защищать женщину, которую веду под руку, какова бы она ни была. Но если вы думаете, что у меня нежное, любящее, простое сердце...

– Я знаю, вы хотите казаться старым, потрепанным и порочным. Меня это несколько не трогает. Сейчас это в моде, и допустим, что это вам идет. У вас это болезнь, быть может, неподдельная и мучительная, но она пройдет, как только вы этого захотите. У вас есть сердце, хотя бы потому, что вы страдаете от пустоты в своем сердце; но придет женщина и заполнит ее, если сумеет и если вы не будете ей мешать. Однако это уже другая тема; сейчас я обращаюсь к художнику: как человек вы несчастливы потому, что как художник вы недовольны собой.

– Нет, вы ошибаетесь, Тереза, – с живостью возразил Лоран. – Как раз наоборот! Это человек страдает в художнике и душит его. Видите ли, я не знаю, что с собой делать.

Меня убивает скука. Отчего я скучаю? Кто знает? От всего. Я не умею, как вы, быть внимательным и спокойным, работая по шесть часов подряд, не умею, прогулявшись по саду и покормив хлебом воробьев, снова браться за работу и писать еще четыре часа и потом вечером улыбаться двум-трем докучным посетителям, вроде меня, например, пока не наступит время ложиться спать. Я же сплю плохо, на прогулках я не спокоен, работаю лихорадочно. Всякий новый замысел смущает меня, бросает в дрожь: когда я выполняю его, на мой взгляд всегда слишком медленно, у меня начинается страшное сердцебиение, и в слезах, едва сдерживаясь, чтобы не кричать, я воплощаю на полотне идею, которая опьяняет меня, но уже на следующее утро я стыжусь ее, и она вызывает во мне отвращение. Если я пытаюсь преобразить ее, тогда дело плохо, она покидает меня; лучше забыть ее и ждать, пока появится другая. Но эта другая является мне такой неясной и такой необъятной, что мое бедное существо не может ее вместить. Она подавляет и мучит меня до тех пор, пока не воплощается в нечто такое, что я могу передать на полотне, — а тут уж вновь возвращаются муки, сопровождающие рождение моей картины, настоящие физические муки, которых я не в силах объяснить. Вот как протекает моя жизнь, если я даю власть над собой этому художнику-гиганту, которого я ношу в себе и из которого тот жалкий человек, что говорит сейчас с вами, акушерскими щипцами своей воли извлекает лишь тощих полумертвых мышей! А поэтому, Тереза,

лучше мне жить так, как я живу, предаваться всякого рода излишествам и убить этого точащего меня червя, которого мои собратья скромно называют вдохновением, а я называю просто немощью.

– Значит, решено и подписано, – улыбаясь, сказала Тереза, – вы хотите довести ваш дух до самоубийства? Ну, так я ничуть в это не верю. Если бы завтра вам предложили стать князем Д... или графом С..., обладать миллионами одного и великолепными лошадьми второго, вы сказали бы, имея в виду столь презираемую вами палитру: *Верните вы мне милую мою!*

– Презираемую мною палитру? Вы меня не понимаете, Тереза! Палитра – орудие славы, я это прекрасно знаю, а то, что называют славой, – это уважение, воздаваемое таланту, более чистое и более утонченное, чем то, которое воздается званию или богатству. А поэтому я очень горд и доволен тем, что могу сказать себе: «Я только мелкий дворянин без состояния; такие дворяне, как я, которые не хотят нарушать традиций своего сословия, ведут жизнь лесничих и волокутся за встреченными в лесу крестьянками, которым они платят вязанками хвороста. Ну а я нарушил традиции, я избрал себе профессию, мне всего двадцать четыре года, и все-таки, когда я проезжаю верхом на взятой напрокат в манеже лошадке среди первых богачей и первых красавцев Парижа, лошади которых стоят по десять тысяч франков, то если среди зевак, сидящих на террасах Елисейских полей, есть че-

ловек со вкусом или умная женщина, они смотрят на меня, называют мое имя и не обращают внимания на других». Вы смеетесь! Вы считаете меня очень тщеславным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.